

Согласно римской мифологии, не только у каждого человека, но и у каждого места, здания, учреждения был свой гений, или дух-покровитель. Такой дух-защитник именовался *genius loci*, или гений места, и имел антропоморфный облик: обычно *genius loci* изображался в виде молодого человека, держащего рог изобилия щит и/или змею. Последняя является напоминанием о хтоническом происхождении гения места: о гении места как священной змее, в частности, писал Вергилий в «Энеаде» (V, 90-95). В Западной Европе сохранилось множество римских алтарей, посвященных гению места, а в ряде стран Юго-Восточной Азии божеств или духов, покровительствующих данному месту, до сих пор почитают в святилищах, располагающихся как в общественных местах, в парках, магазинах, бизнес-офисах, так и в частных жилищах. Упоминания о духах-хранителях места нередки и в классической литературе, и в литературе мейнстрима, и в фантастической литературе (особенно жанра фэнтези). Однако понятие «гений места» вышло за рамки мифологических, религиозных или литературных представлений, приобретая историко-социокультурное значение. П. Вайль в книге очерков «Гений места» (и в одноименном цикле телепередач») связал тот или иной город как социальное, историческое, культурное явление с определенной творческой личностью. Так, гением Дублина, по мнению П. Вайля, является Дж. Джойс, гением Толедо – Эль Греко, гением Флоренции – Н. Макиавелли, а гением Киото – Ю. Мисима. Выбор П. Вайля исключительно субъективен, так что в некоторых случаях гениями того или города он делал людей, лишь посетивших данный город или даже никогда в этом городе не бывавших, но описавших его в своих произведениях: так, У. Шекспир стал гением не Стратфорда, а Вероны, а Дж. Байрон и И. Бродский – гениями Стамбула [1]. (Но, в конце концов, Дж. Джойс тоже провел в Дублине лишь детские и юношеские годы.) Если рассматривать концепт «гения места» не как литературную метафору, а научное понятие, можно говорить как минимум о двух подходах к его пониманию. Во-первых, это реальная историческая личность или мифологический персонаж, являющиеся неотъемлемой и важной частью культурной идентичности данного места, определяющие в той или иной степени его уникальное культурное своеобразие. В этом случае гений места целиком и полностью является феноменом, относящимся к сфере общественного сознания. Во-вторых, в современной философии архитектуры гений места или дух места – это особая духовная атмосфера, которая присуща тому или иному месту и составляет его уникальность. Эта концепция была возвращена в европейскую культуру сначала Д. Х. Лоуренсом, а впоследствии подхвачена и развита Л. Дьюреллом и в особенности К. Норберг-Шульцем. К. Норберг-Шульце – норвежский теоретик архитектуры, испытавший значительное влияние феноменологии Э. Гуссерля и феноменологического экзистенциализма М. Хайдеггера. Метод феноменологического анализа был развит им в работе «Гений места: к феноменологии архитектуры», вышедшей в 1980 г. По мнению К.

Норберг-Шульца, современное общество характеризуется «утратой человеком ощущения единства с природой и рукотворными предметами, которые составляют его окружение». Это усиливается современной архитектурой, сооружения которой существуют как бы в «пустоте», «не привязаны к местности и не соответствуют облику всего города». Это способствует распространению ощущения бессмысленности жизни и порождает отчуждение. Преодоление отчуждения достигается «при помощи зданий, которые вбирают в себя качества данного места и приближают их к человеку». Архитектурное сооружение должно находиться в гармонии и пропорции – как с самим собой, так и с окружающей средой. Таким образом, составляющими духа места являются ландшафт, архитектурные сооружения с присущими им функциями и человек, которые должны гармонически сочетаться. Два понимания «гения места» - как исторического или мифологического персонажа, имеющего особое значение для данной местности, являющегося неотъемлемой частью его культурной идентичности и особой духовной атмосферы, присущей данному месту, - дополняют друг друга (хотя второе более широкое и может включать первое). Вместе с тем задача характеристики «genius loci» как культурно-исторической атмосферы того или иного города слишком многоаспектна и объемна, чтобы ее можно было решить в одной лекции и подходит, на наш взгляд, скорее для монографии. Мы ограничимся задачами более скромными: исходя из более узкого определения «гения места», предложенного выше, выявить возможных претендентов на роль «гения места» Казани и проследить, как процесс выдвижения тех или иных фигур, их конкуренция или комплиментарность друг другу составляла ткань диалога культур. Кто же может претендовать на роль «гения Казани»? В первую очередь надо назвать мифического змея Зиланта и царицу Сююмбике. Наиболее ранние изображения змея Зиланта относятся, вероятно, к периоду Казанского ханства, но устойчивое воспроизведение данного образа относится к более позднему периоду: в 1781 г. Зилант царским указом был помещён на герб Казанской губернии (хотя изображение Зиланта встречается и в царском титулярнике 1672 г., и на печати Ивана Грозного, и др.). Что же касается царицы Сююмбике, жившей в середине XVI в., ее имя оказалось прочно связано с башней, возведенной в казанском Кремле, скорее всего, в конце XVII – начале XVIII вв. (возможно, на более древнем фундаменте). В частности, С. Саначин на основе анализа картографических и письменных источников определяет время строительства башни 1694 – 1718 гг. Однако само название «башня Сююмбике» («башня Сумбекина») появляется лишь в 1832 г. в очерке «Казань», опубликованном в казанском журнале «Заволжский Муравей». Постепенно оно становится общеупотребительным. Весьма примечательно, что и Зилант, и Сююмбике, по-видимому, являются архетипическими образами. Согласно К. - Г. Юнгу, архетипы – это универсальные врождённые психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного и

являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. Архетипы, являясь структурой коллективного бессознательного, проявляются у всех народов и во все эпохи (разумеется, в различной степени) и воспринимаются доосознанно (а не вследствие научения). К. – Г. Юнг подчеркивал, что архетип носит амбивалентный характер, имея как позитивный, так и негативный аспекты. Хотя змей не относится к числу наиболее часто упоминаемых архетипов (к числу таковых относятся, в частности, Тень, Персона, Анима и Анимус, Самость, Младенец, Дева, Дух, Мать, Трикстер), в «Тэвистокских лекциях» К. – Г. Юнг в числе первых трех примеров архетипических образов упоминает дракона (он упоминает, что этот образ всегда связан с образом героя, а также пещеры или склепа, в котором обитает змея [2]. Однако змея – это не только устрашающее и несущее опасность животное, это символ исцеления и хранитель сокровища (вспомним, кстати, что гений места первоначально представлялся в виде змеи). «Таким образом, эти глубины, этот слой абсолютно бессознательного... в то же время содержит ключ к полноте и целостности индивида, иными словами – к исцелению. ... Это место первозданной бессознательности и в то же время место исцеления и искупления, поскольку здесь связано сокровище целостности» [3]. Победа над Зилантом связана с основанием города Казани. Но город – это еще один образ, символизирующий целостность индивида: «город с четырьмя вратами символизирует идею тотальности; это индивид, обладающий четырьмя воротами в мир, четырьмя психологическими функциями и, следовательно, пребывающий в самости» [4]. Что касается Сююмбике, то ее образ, как он бытует в народных легендах, имеет сходство, по нашему мнению, с архетипом анимы, воплощение женского элемента в мужчине (К. Кереньи и К.-Г. Юнг сближают этот архетип также с образом Кору или «Предвечной девы») [5]. Как известно, легенда гласит о желании Ивана Грозного жениться на Сююмбике (с точки зрения здравого смысла уместное, полагаем, в том случае, если бы она была девицей, а не вдовой двух ханов и матерью царевича), просьбе-условию Сююмбике построить башню за семь дней и гибели Сююмбике, сбросившейся с седьмого яруса этой башни. Понятно, что эта легенда не имеет почти ничего общего с исторической реальностью, но тем сильнее выражается архетипичность образа казанской царицы. Интересно, что, несмотря на политическое и административное доминирование в Казани с середины XVI в. русской части населения, первые духи-хранители Казани имели татарское происхождение. Появление новых «гениев места» (думается, у города-миллионника с многовековой историей их может быть несколько), их сосуществование и соперничество друг с другом обнаруживает явную связь со сменой исторических эпох. Лишь в XIX в. на роль «гения места» начинают претендовать представители русской интеллигенции. Первым из них был поэт Г.Р. Державин (1723 – 1816). Памятник ему был воздвигнут в Казани в 1846 г. (и простоял до 1932 г., пока не был сломан и сдан

в металлолом). Еще одним «гением места» Казани должен считаться основатель неевклидовой геометрии, ректор Казанского университета Н.И. Лобачевский (1792 – 1856), бюст которому был сооружен в 1895 г. Относительно недолгий советский период (1917 – 1991 гг.) распадается по меньшей мере на три этапа, каждый из которых выдвигает новых претендентов на роль «гения места» Казани. В период сталинизма на эту роль выдвигается Максим Горький: в 1940 г. в Казани основан музей Горького, а в 1949 г. открыт памятник. В период «оттепели» в Казани воздвигаются памятники В. Ленину (1954) и А. Пушкину (1956). Примечательно, что памятник Ленину на площади Свободы, стоящий и поныне, был сооружен в 1954 г. взамен старого памятника Ленину, перенесенного на площадь Свободы в 1951 г. с площади 1 Мая перед казанским Кремлем, чтобы освободить место для памятника Сталину. До памятника Ленину на площади 1 Мая стоял памятник Освобожденному труду, а еще ранее – памятник Александру II (воздвигнут в 1895 г., а снесен в 1918 г.). Но, на наш взгляд, ни Горький, ни Пушкин, ни тем более Ленин не могут считаться «гениями места» Казани, хотя все они были в нашем городе, а М. Горький и В. Ленин даже жили здесь некоторое время. И не только потому, что с М. Горьким советская традиция пыталась прочно связать Нижний Новгород, переименованный в Горький, а с Лениным – Ленинград и Ульяновск. Ленин, как и Горький, начиная с 1920-х и по 1980-е гг. включительно предстают не локальными «гениями места», а «гениями» всего СССР, подобно тому, как гений правящего императора в Римской империи становился общеимперским культом, поклонение которому было обязанностью всех подданных империи. И в десятках и сотнях советских городов были памятники Ленину, улицы Ленина, музеи Ленина (филиал центрального музея Ленина был создан в Казани уже в 1980-е гг., хотя уже существовал дом-музей Ульяновых), улицы Горького, парки культуры и отдыха, которым также присваивалось имя Горького и т.д. Поэтому ни Горький, ни Ленин не могут считаться специфическими «гениями места» Казани. Но именно во время «оттепели» начинаются сознательные поиски нового «гения места» Казани. Он должен был удовлетворять следующим неписаным условиям: представлять по преимуществу локальную, республиканскую историю и тем самым укреплять локальную идентичность и при этом быть представителем «прогрессивных сил». Этим условиям удовлетворяла фигура национального татарского поэта Г. Тукая (памятник ему в Казани был воздвигнут в 1958 г.). Вероятно, на выбор фигуры Г. Тукая повлияли и другие мотивы: популярность поэзии как литературного жанра на протяжении всего «хрущевского десятилетия» 1954 – 1964 гг., а также необходимость соблюдения этнического баланса в культурной сфере, как и в других сферах жизни ТАССР: воздвигнут памятник русскому поэту А. Пушкину – следует воздвигнуть памятник и татарскому поэту. Но Г. Тукай всё-таки считался идеологами правящей партии не совсем «своим» (хотя его близость к передовым демократическим силам

всячески подчеркивалась биографами и комментаторами): нужен был татарин – коммунист, убежденный сторонник Советской власти, фигура, которая, используя известное выражение, была бы национальной по форме, социалистической по содержанию. И на роль еще одного «гения места» был уже в 1960-е гг. выдвинут Муса Джалиль – татарский поэт, Герой Советского Союза, казненный гитлеровцами в тюрьме Моабит. Памятник М. Джалилю, возведенный в 1966 г., и по сей день стоит на площади 1 Мая, где ранее стояли памятники И. Сталину, В. Ленину и Александру II. Кроме того, в 1985 г. в центре Казани был сооружен гигантский памятник М. Вахитову – председателю мусульманского социалистического комитета, расстрелянному белыми в 1918 г. Ранее, в 1970-е гг., в честь М. Вахитова был назван один из центральных районов Казани. Кстати, в конце 2000-х гг. мэрия Казани предложила перенести памятник М. Вахитову на одноименную площадь, чему воспротивились коммунисты, но планы были отложены не из-за них, а из-за кризиса 2008 – 2009 гг. Провозглашение суверенитета Татарстана в 1990 г., распад СССР, образование независимой Российской Федерации, с руководством которой у татарстанских лидеров были, мягко говоря, непростыми, повлекли поиски новых «гениев места». В 1996 г. перед зданием национально-культурного центра «Казань» со стороны (ранее филиал центрального музея В. Ленина) была установлена 40-метровая стела, увенчанная сверху вращающейся скульптурой женщины-птицы Хоррият, символизирующей свободу (вероятно, образ Хоррият восходит даже не к татарской, а к общетюркской мифологии). В том же году в казанском Кремле началось сооружение мечети Кул-Шариф, названной так в честь сеида Кул-Шарифа, возглавлявшего оборону Казани от войск Ивана Грозного в 1552 г. (открылась эта мечеть к тысячелетию Казани в 2005 г.). Нельзя не сказать и еще об одном весьма значимом символе, получившем широкое распространение в Татарстане с начала 1990-х гг. – это крылатый барс, бывший, вероятно, одним из тотемных знаков древних булгар. Поскольку с 1992 г. крылатый барс является государственным символом республики и изображен на государственном гербе, он имеет, конечно, не только культурное, но и политическое значение. Он является, можно сказать, «гением места» всей республики. В связи с этим неудивительно, что статуя самки крылатого браса, выполненная скульптором Даши Намдаковым в стиле, который мы назвали бы «этноготика», получила название «Хранительница». Однако намерение фонда «Возрождение» (председателем попечительского совета этого фонда является бывший президент РТ, госсоветник РТ М. Шаймиев) установить эту статую в музейно-заповеднике в Болгарах между памятным знаком принятия ислама Волжской Булгарией и соборной мечетью вызвало в марте 2012 г. яростные споры среди общественности Татарстана. Вероятно, причиной тому стали необычная стилистика скульптуры, ее откровенная агрессивность, а также сам факт установки статуи животного вблизи мусульманских святынь. Некоторые

участники обсуждения даже называли скульптуру «сатанистской» [6]. На специальном совещании по вопросу размещения скульптуры, прошедшем 21 марта 2012 г., М. Шаймиев заявил, что «Хранительница» символизирует связь современного Татарстана и мусульманской Булгарии с языческим прошлым болгар. «До принятия ислама Булгарское государство уже было! ... Мы восстанавливаем исторический памятник Булгарского государства – и для нас важно все, что связано с этой землей... Мы восстанавливаем эту историю – и принимаем во внимание абсолютно всё» [7]. Итогом обсуждения стал компромисс: установить скульптуру крылатого барса в стороне от мусульманских святынь, неподалеку от речного вокзала, на берегу Волги. Справедливости ради следует сказать, что публичные дискуссии об их уместности или неуместности нахождения в данном месте вызывали и другие работы Д. Намдакова – например, сюрреалистическая статуя Чингисхана. Возвращаясь к «гению места» Казани, следует отметить, что в течение последних 15 лет неоднократно предпринимались попытки обрести и «русского гения места» Казани, но фигуры, которая бы безоговорочно могла занять это место, пока нет. В качестве претендентов на эту роль следует отметить Ф.И. Шаляпина (памятник ему в Казани был заложен в 1998 г. около Богоявленского собора, в котором певец был крещён в феврале 1873 г., и открыт 29 августа 1999 г.), Г. Р. Державина (памятник, открытый ему в Казани 3 декабря 2003 г., является воспроизведением памятника, существовавшего в 1846 - 1932 гг.) и В.П. Аксёнов. Хотя в Казани нет ни памятника В. Аксёнову, ни улицы его имени, начиная с 2007 г. в Казани ежегодно проводится международный литературно-музыкальный фестиваль Аксёнов-фест [8], в 2009 г. воссоздан дом, в котором он провел детство (в нем создан литературный дом-музей В. Аксёнова). Говоря о «гениях места», выдвинутых на эту роль в последние два десятилетия, следует отметить, что все они принадлежат либо к досоветской (Хоррият, крылатый барс, Кул Шариф, Г. Державин) либо несоветской культуре (Ф. Шаляпин, В. Аксёнов). Кроме того, по крайней мере некоторые из казанских «гениев места» обнаруживают отчетливую связь с тем, что в маркетинге называется «целевой аудиторией», т.е. являются предпочтением определенной социокультурной общности: так, В. Аксёнов – прежде всего кумир «шестидесятников». Таким образом, проблема «гения места» Казани тесно связана с диалогом культур [9; 10]. Что же касается гения места как особой духовной атмосферы, которая присуща тому или иному месту и составляет его уникальность, то Казань в течение последних десятилетий являла собой арену особенно драматических перемен. В результате ликвидации трущоб, происходившей в 1996 – 2006 гг., гений места безжалостно, выкорчевывался и уничтожался. Были снесены значительные участки улиц с исторической застройкой, в том числе как малоценной каменной и деревянной, так и с памятниками архитектуры, истории и культуры. В частности, в 2000 – 2011 г. в Казани снесены более 40 памятников

истории и культуры, из девяти гражданских зданий XVIII в. в полуразрушенном состоянии сохранились только три дома. Начало этому разрушению было положено еще в советский период, но особенный размах оно приобрело в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Полностью или в значительной мере были снесены следующие улицы центра Казани: Свердлова (Георгиевская, переименованная ныне в Петербургскую; за советское и постсоветское время утеряно большинство из насчитывавшихся на этой улице более 50-ти памятников истории и культуры), южная половина улицы Островского (Вознесенская; вместо малоценных деревянных и прочих зданий ближе к Кольцу разбит парк Тысячелетия, далее сооружены Баскет-холл и прочие здания, оканчивается пустырем, предназначенным под многоэтажный деловой квартал «Б»), Тельмана (Попова гора), Старая, Набережная Казанки, Федосеевская (Нижне-Федоровская), Бассейная, Некрасова (Собачий переулок), Касаткина (Пригонная гора), Галактионова (Нечаев бугор), Щапова (Старо-Горшечная), Держинского (Черноозерская), Калинина (Третья гора) и другие. Даже лучшие образцы новой застройки носят на себе печать эклектики и безвкусицы. Так, в 2008 – 2010 гг. под казанским Кремлем был возведен Дворец земледельца (здание Министерства сельского хозяйства и продовольствия Татарстана). Формой корпуса и заимствованиями архитектурных элементов ампира и классицизма здание в определённой степени напоминает императорский дворец Хофбург в Вене, а с боковой стороны – Витториано в Риме. По поводу столь примечательного, эклектичного, роскошного и дорогостоящего здания существуют разные мнения и оценки — от восторженных до резко критикующих. Окружное управление бывшей Росохранкультуры еще в 2009 г. заявило, что такое здание вблизи охранной зоны объекта всемирного наследия – Казанского Кремля – «нарушает законодательство в сфере охраны культурного наследия и диссонирует с культурно-исторической средой» [11], а главный архитектор Казани Т. Прокофьева в августе 2011 г. назвала это здание неуместным по стилю рядом с Кремлем. Многие дома старой Казани, что избежали сноса, долгое время находились в разрушающемся и ветхом состоянии, так как для них не находились частные инвесторы, согласные на обременение обязательством сохранения исторического облика. Ситуация стала меняться лишь во второй половине 2011 г. После открытого письма экскурсовода и краеведа О. Балтусовой президенту Татарстана Р. Минниханову последний на заседании Кабмина РТ публично признал вину за разрушение исторического центра Казани и раскритиковал градостроительную политику властей столицы республики. Он заявил, в частности, что снос ветхих домов должен сопровождаться реконструкцией, что «никаких высоток в центре быть не должно», инвесторы в Казани «понабрали зданий и земли и кормят сказками». Глава республики раскритиковал градостроительную политику муниципальных властей Казани и поручил мэру Казани И. Метшину найти тех, кто давал добро на застройку

центра города зданиями, которые портят вид города [12]. Р. Минниханов вместе с О. Балтусовой совершил ряд пеших экскурсий по историческому центру Казани, и некоторые из этих экскурсий сопровождались оргвыводами: в сентябре 2011 г. Р. Минниханов поручил министру строительства, архитектуры и ЖКХ И. Файзуллину приостановить в исторической части Казани все строительство и тщательно проанализировать проекты возводимых зданий [13]. Был отстранен от должности замминистра культуры РТ И. Нестеренко (он проработал в должности замминистра культуры менее четырех месяцев, а ранее был начальником Главного управления госконтроля, охраны и использования памятников истории и культуры того же министерства). К концу сентября работы были приостановлены практически на всех объектах исторического центра. В то же самое время прокуратура РТ возобновила производство 30 старых уголовных дел, связанных со сносом памятников истории и культуры федерального и республиканского значения в Казани, которые были «заморожены» в связи с отсутствием подозреваемых. Следователи также инициировали 18 новых дел по фактам разрушения памятников истории и архитектуры в центре города. В начале 2012 г. Р. Минниханов провел переговоры с крупнейшими бизнесменами республика, в результате чего за каждым из них было закреплено определенное количество зданий, которые должны быть в кратчайшие сроки реставрированы [14]. Вероятно, эти действия Р. Минниханова были продиктованы приближением Универсиады и тем неприятным впечатлением, которое производит ряд улиц Казани. В конечном итоге, это попытка скорректировать формирующийся облик Казани как спортивного и туристического центра, что важно в условиях, когда в современном мире города начинают играть ранее не свойственную им роль самостоятельных субъектов глобального сотрудничества и конкуренции [15]. Ведь если гости «третьей столицы» России не увидят ничего, кроме стандартных (или даже не совсем стандартных) зданий постройки 2000-х годов, то резонен будет вопрос: а не являются ли разговоры о тысячелетней Казани блефом? Таким образом, гений места может создаваться народом либо конструироваться интеллигенцией, СМИ. Обычно, говоря о гении места, подразумевают некий статичный, сформировавшийся раз и навсегда образ. Это далеко не всегда так, если город растет, развивается, то могут появляться и новые гении места, ведь гений места – это воплощение определенного социокультурного идеала.